

<https://doi.org/10.3176/hum.soc.sci.1972.4.06>

Н. БАССЕЛЬ

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЭСТОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ОБЩЕСОЮЗНОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ

Современный этап в развитии советского литературоведения все настойчивее выдвигает на передний план задачу — не только исследовать усиливающиеся процессы взаимодействия, взаимообогащения и сближения литератур народов СССР, но и определять место и роль той или иной национальной литературы в советском многонациональном литературном единстве. Об этом, например, говорил академик М. Б. Храпченко в своем выступлении на выездном заседании секции общественных наук президиума АН СССР и отделений общественных наук академий наук прибалтийских советских республик в мае 1969 г. в Таллине. «Нужно учитывать, — отметил он, — что литература каждого народа не обособлена, а развивается в ряду литератур других народов. [...] Современный этап в развитии национальных литератур характерен тем, что они вносят значительный вклад в общесоюзный литературный процесс.»¹ Выявить сущность и своеобразие этого вклада применительно к каждой национальной литературе — такова одна из насущных задач нашего литературоведения.

Думается, наиболее полная картина вклада той или иной национальной литературы в многонациональное единство советских литератур сможет определиться лишь по завершении работы над многотомной «Историей многонациональной советской литературы», выпускаемой ИМЛИ им. А. М. Горького в содружестве с учеными всех советских республик. Вышедшие до настоящего времени тома этого издания позволяют утверждать, что общая характеристика общесоюзного литературного процесса на тех или иных его этапах в сочетании с монографическими обзорами конкретных национальных литератур дают, безусловно, необходимые опорные точки для определения своеобразного вклада каждой из них. Необходимо, однако, опираясь на уже сделанное, выйти к сравнительно-типологическому сопоставлению этих литератур, о важности которого говорится и в постановлении ЦК КПСС «О литературно-художественной критике».² Очевидно, речь идет не просто о частных сопоставлениях сходных тем, проблем, литературных героев — на первый план выдвигается задача сравнительного рассмотрения путей развития национальных литератур в советскую эпоху, сопоставления их стилистических течений (о необходимости которого справедливо говорил Ю. Суровцев³), структуры литературных жанров в каждой из них. Такой подход будет, несомненно, способствовать более научному выявлению национальной специфики литературы, определения которой сплошь и рядом грешат импрессионистичностью и скороспелостью обобщений.

Учесть необходимо и следующее — динамический характер самого процесса становления многонационального литературного единства в нашей стране и, отсюда, меняю-

¹ См. Форум ученых-обществоведов закончил свою работу. «Советская Эстония», 16 мая 1969.

² «Литературная газета», 26 января 1972.

³ Ю. Суровцев, Расцвет, сближение, единство. «Литературная газета», 8 марта 1972.

уюся на разных этапах истории советского общества роль той или иной национальной литературы и даже отдельных ее жанров. Без учета этого любые попытки «схватить» сущность вклада данной национальной литературы могут уподобиться моментальному снимку, не раскрывающему всей динамики развития.

Наконец, необходимо иметь в виду аспект обогащения данной национальной литературой всесоюзного литературного процесса чем-то новым, ее роль в развитии общего творческого метода — социалистического реализма. Это тем более важно подчеркнуть, что «только художественные открытия, в которых особенно ясное выражение получают метод социалистического реализма и творческая индивидуальность художника, его партийность и стиль, определяют собою мировое художественное движение».⁴

Вопрос о роли и месте эстонской литературы в общесоюзном литературном процессе ставится не впервые. Так, К. Л. Зелинский еще в 1959 г. писал, имея в виду наиболее сильную, эпическую традицию в эстонском романе: «Со словами «литература Эстонии» невольно сочетается представление о «стране эпоса». Эпическое повествование, повествование спокойное, охватывающее множество жизненных и бытовых подробностей и деталей, повествование, в основе которого — обстоятельное изображение жизни народа, и прежде всего эстонского крестьянства, — вот, пожалуй, то, что хочется отметить как национальную специфику литературы. [...] Эстонские классики выработали своеобразный стиль эпического повествования, в который как будто перешла вот эта тяга к описательности, это стремление говорить обиняками или в подтексте, а главное — больше описывать, чем определять, больше констатировать, чем восхищаться или возмущаться. Субъективный элемент повествования, реализуемый не столько в диалогах героев, сколько в авторской речи или публицистических отступлениях, почти отсутствует.»⁵

В печати уже говорилось о том, что эти и другие признаки эпического повествования, действительно характерные для той эстонской романной традиции, что представлена именами Вильде, Таммсааре, Метсанурка, Хинта, Крустена, Сирге, подмечены были К. Л. Зелинским верно, однако генерализованы как «национальный стиль», в то время как в действительности это лишь одно из стилевых течений эстонской литературы — как в прошлом, так и в настоящем. То обстоятельство, что это стилевое течение было действительно сильнейшим в эстонской литературе 50-х годов, и давало, видимо, основания для подобных обобщений (которые мы встречаем в то время не только у К. Зелинского, но и у Б. Рунина, Л. Аннинского и других московских литературоведов). Но вне их поля зрения оказывалось реальное многообразие стилей в эстонской литературе досоветского и советского периодов, обобщения, базировавшиеся лишь на эпической повествовательной манере хинтовского или сиргеского типа, уподоблялись моментальному снимку, схватывавшему, правда, очень характерное, но лишь для определенного этапа литературного развития.

Определяя 12 лет спустя вклад эстонской советской литературы в общесоюзный литературный процесс, секретарь правления Союза писателей СССР Г. М. Марков отмечал в своем докладе V съезду писателей СССР: «В современной эстонской литературе ведущее место как по своему гражданскому пафосу, так и по актуальности и остроте разрабатываемых проблем занял в последние годы роман. Наибольший успех достигнут в романах с острой социальной и нравственной проблематикой, где в центре внимания писателя — место и роль человека в обществе в период драматических для судеб народа событий 1940 года, Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. Два великих сражения — одно то, которое велось с помощью оружия, и другое, не менее важное, происходившее в сердцах и умах людей, — находятся в центре гворческого внимания эстонских писателей.» Говоря далее о тенденциях стилевого

⁴ Л. Н. Арутюнов, Я. Е. Эльсберг, О некоторых путях изучения проблемы национального и интернационального в литературе и искусстве. В кн.: Национальное и интернациональное в литературе, фольклоре и языке. Кишинев, 1971, стр. 77 (рядка авторов статьи).

⁵ К. Зелинский, Октябрь и национальные литературы. М., 1967, стр. 279.

развития современной эстонской литературы, Г. М. Марков констатирует: «Примечательны для эстонской литературы интенсивные поиски многообразия стилей. Это характерно и для прозы, и для поэзии, и в особенности для эстонской драматургии.»⁶ Не вдаваясь в полемику по последнему, не совсем точному, распределению жанров по степени интенсивности новаторских стилистических поисков (на самом деле первенство в этом отношении занимают современная поэзия и проза, драматургия же от них пока отстает), отметим, что характеристика наиболее существенного во вкладе эстонской литературы во всесоюзный процесс на современном этапе дана, конечно, справедливо. Закономерно получилось, что эстонский советский роман — прежде всего благодаря своей социально-психологической и нравственной проблематике (а не только потому, что произведения романного жанра и в количественном и в качественном смысле легче других жанров преодолевали «барьер переводимости») — наиболее значительно прозвучал во всесоюзном масштабе. Причину этого следует искать прежде всего в том, что сама историческая жизнь эстонского народа, послужившая основой этих произведений, оказалась настолько насыщенной драматическими социально-мировоззренческими, психологическими и нравственными коллизиями на новейшем этапе своего развития (начиная с 1940 г.), что художественная ее разработка в романной форме с позиций социалистического реализма стала существенным фактором не только национального, но и общесоветского литературного процесса. Способствуют этому и новаторские искания эстонских писателей в области романной формы, оказавшиеся во многом как бы на передней линии художественных поисков, характерных сегодня для романа социалистического реализма в целом.

Было бы, однако, несправедливо ограничиться лишь констатацией этих характерных дел современного этапа черт литературного развития, помогающих осмыслить сущность сегодняшнего вклада эстонской литературы во всесоюзный процесс. Ведь проблема шире и многостороннее, ее надо рассматривать в историческом разрезе, на более широком фоне становления и развития многонационального литературного единства в нашей стране, в свете диалектики национального и интернационального.

Эстонская литература включилась в советский многонациональный литературный процесс с 1940 года, после восстановления Советской власти в Эстонии. До этого участие в развитии многонациональной советской литературы принимали эстонские пролетарские писатели, жившие в Советском Союзе в 20—30-х годах. Наиболее заметным их вкладом в развитие советской литературы следует считать боевую революционную поэзию Ханса Пегельмана, Виллема Бука, Айна Ранналетта, прозу Эссааре Ааду, Вальтера Юхума, Карла Трейна. Темой их творчества в основном служили Октябрь, гражданская война и подпольная революционная борьба в Эстонии против буржуазной диктатуры; характерные для всей советской поэзии 1920-х годов революционно-романтические мотивы, зачастую — глобального масштаба, присущи и поэтическому творчеству эстонских писателей в Советском Союзе. В 30-е годы в их произведениях, наряду с темой жизни и борьбы трудящихся в буржуазной Эстонии, все чаще входит тема преобразования человека в ходе социалистического труда в СССР (рассказы К. Трейна, Х. Ангервакса, Э. Эртиса, П. Мейзеля). Все это позволяет говорить с многих чертах типологической общности с русской советской литературой и литературой других народов СССР этого периода. Однако в силу того, что произведения эстонских писателей в Советском Союзе очень мало переводились на русский язык и оставались почти неизвестными широкому многонациональному читателю, их практическая роль в процессе становления многонационального литературного единства в СССР была все же небольшой. Как заслуживающий внимания фактор следует отметить и вхождение эстонской тематики в произведения русских советских писателей этого периода (повесть «Пейпус-озеро» В. Шишкова, предисловие А. В. Луначарского «Окровавленная Эстония» к сборнику «Эстонские рассказы», стихотворение Н. Тихонова «Ночь президента» и его путевые очерки «Гибель эпопей», документальную книгу М. Полянов-

⁶ Г. М. Марков, Советская литература в борьбе за коммунизм. «Литературная газета», 30 июня 1971.

ского «Кузнец Лесов. Его имя носит теплоход», сборник рассказов Э. Грина «Последний стог сена»).⁷ То обстоятельство, что революционная и классовая борьба эстонских трудящихся против буржуазной диктатуры в Эстонии и жизнь эстонских рабочих и крестьян в СССР никогда не были для русских писателей «чужой» темой, а трактовались ими в тесной связи с проблемами борьбы за социализм в Советской России, может рассматриваться как важный фактор в становлении интернационального единства советской литературы.

Уже в 1940—1941 гг., вскоре после восстановления Советской власти в Эстонии, произведения эстонских поэтов И. Барбаруса, И. Семпера, Я. Кярнера, Ю. Сютисте, М. Рауда и других появились в печати в русском переводе — эстонская советская литература начала выходить на всесоюзную арену. Боевая антифашистская поэзия эстонских мастеров пера, созданная в годы Великой Отечественной войны, типологически очень близка русской советской поэзии того времени, а также поэзии других народов СССР. Общность тем, проблем, сюжетов и конфликтов, порожденных всенародной борьбой с немецким фашизмом, закономерно обуславливает и типологическую схожесть поэтических жанров и стилистических структур, зачастую даже со столь отдаленными в географическом отношении национальными литературами нашей страны, как, скажем, татарская (М. Джалиль) или азербайджанская (С. Вургун). Тема Урала и Казахстана, Москвы и Ленинграда, Украины и Узбекистана — тема братской дружбы народов СССР в годы войны органически входит в эстонскую советскую поэзию, обогащая ее содержание, как и тема героической обороны Таллина, Эстонии от немецко-фашистских захватчиков — в публицистику Вс. Вишневского («Дневники военных лет», 1941—1942), в стихи Ю. Инге, В. Азарова и других русских советских поэтов.

Все это позволяет утверждать, что в едином строю многонациональной советской литературы военных лет эстонская советская литература занимает место на боевом поэтическом фланге, наряду с типологически общим она вносит в советскую поэзию этого времени тему исторической борьбы с немецкими крестоносцами в далеком прошлом (произведения о Юрьевой ночи И. Барбаруса, Я. Кярнера и др.), сильную сатирическую струю, связанную с эстонской фольклорной антифеодальной традицией (А. Алле, И. Семпер и др.), тему тоски по дому, оккупированному врагом.

Активное участие эстонской советской литературы во всесоюзном литературном процессе послевоенного периода связано в первую очередь с драматургией Аугуста Якобсона. Здесь мы имеем дело с двумя важными моментами. Во-первых, социально-мировоззренческие пьесы А. Якобсона с ярко выраженной публицистической стилевой направленностью («Жизнь в цитадели», «Борьба без линии фронта») можно рассматривать как развитие на эстонском материале горьковской драматургической традиции, и в этом своем качестве они хорошо вписывались в послевоенную советскую театральную жизнь, будучи по сути первыми эстонскими и шире — прибалтийскими пьесами, вышедшими на всесоюзную сцену. Во-вторых, пьесы Якобсона на темы международной жизни, борьбы за мир занимали в те годы, наряду с пьесами той же тематики К. Симонова, Б. Лавренева, Н. Вирты, В. Любимовой и других, первенствующее место в публицистическом направлении советской драматургии, обогащая ее чертами сатирического гротеска («Шакалы») и сатирической комедии («Ангел-хранитель из Небраски»). Повесть Ганса Леберехта «Свет в Коорди» оказалась первым произведением эстонской прозы, получившим всесоюзный резонанс. Она воспринималась в одном ряду с известными произведениями Т. Семушкина, Г. Гулиа, А. Саксе и других о социалистических преобразованиях в жизни крестьянства народов СССР, как произведение, продолжившее общесоветскую тему — «поднятия целины» в сознании крестьянства на послевоенном, новом для всесоюзного читателя, эстонском материале. И в данном случае, как и в связи с пьесами А. Якобсона, решающим оказался момент восприятия по сходству, близость к магистральным проблемам многонациональной советской

⁷ См. об этом подробнее: Н. Бассель, Традиции интернационального братства. Эстонская тема в русской советской литературе. «Советская Эстония», 13 февраля 1972.

литературы (что компенсировало на данном этапе те или иные художественные несовершенства повести Леберехта).

Как бы на грани послевоенного и современного этапа в развитии многонациональной советской литературы находятся «Письма из деревни Сыгедате» Юхана Смуула (1951—1955). Их место в общесоюзном литературном процессе определяется тем, что в них, по верному замечанию Э. Нирка, «отразились те же тенденции, которые характерны для произведений В. Овечкина и ряда других писателей»⁸, публицистически «вторгнувшихся» тогда в острые проблемы колхозной жизни. Своеобразие смууловского вклада определяется сочетанием публицистичности с глубоким лиризмом, мягким юмором и острой сатирой в тех местах, где речь идет об «арендаторах жизни».

Говоря о месте и роли современной эстонской литературы в общесоюзном литературном процессе, надо прежде всего отметить значительно возросшее участие эстонских литературных произведений в развитии многонационального единства советской литературы. Возросло количество и качество переводов произведений эстонских авторов на русский и другие языки братских народов СССР, интенсифицировался взаимообмен художественными ценностями, литературной информацией, декадами искусства и литературы. Никогда прежде эстонская литература не находила столь широкий отклик в литературной критике русского и других братских народов, роль ее наиболее значительных произведений, прежде всего историко-революционного романа, романа о Великой Отечественной войне, лирической и очерковой прозы Ю. Смуула, современного романа, в обогащении и развитии многонационального советского литературного процесса является ныне общепризнанной.⁹ Расцвет эстонской советской литературы, многообразие ее жанров и стилей, неуклонное возрастание ее удельного веса и роли в общесоюзном масштабе — все это следует рассматривать как закономерное следствие ленинской национальной политики, результат экономического и культурного развития Советской Эстонии, взаимообогащения национальных культур народов нашей страны в условиях перехода к развернутому строительству коммунизма.

Учитывая эти факторы, исходя из концепции многообразия художественных форм и стилей в литературе социалистического реализма, органического единства в ней национального и интернационального аспектов, представляется целесообразным попытаться проследить роль эстонской советской литературы в тех жанрово-стилистических направлениях современного многонационального литературного процесса в нашей стране, где она проявилась художественно наиболее значимо и ярко.

Это прежде всего жанр историко-революционного романа-эпопеи. Суть дела скорее даже не в том, что Хинт, Крустен, Сирге, Семпер, Леберехт создали на материале эстонской истории XX века своеобразный эстонский аналог историко-революционному жанру в русской советской литературе. Здесь проявилась одна из глубинных закономерностей литературы социалистического реализма, обращающая — раньше или позже — писателей каждого народа, вступившего на путь социалистического развития, к художественному исследованию своих, национальных истоков революционного движения и социалистического сознания. В эстонской литературе этот процесс начался в середине 50-х годов. Наряду с чертами, общими для историко-революционного жанра во всех национальных литературах нашей страны (прежде всего — общей идейно-художественной концепцией человека и народа в революции), эстонский советский историко-революционный роман дополнил и обогатил этот жанр рядом новых социально-психологических коллизий (например, Тынис Тиху и народ в «Береге ветров» А. Хинта, трагическая коллизия Логина Петера в «Земле и народе» Р. Сирге), национально-своеобразными модификациями романа-эпопеи, а также той стилистической манерой, характеристику которой, данную К. Зелинским, мы приводили выше. Опыт эстонской литературы в этой области (наряду с опытом других братских советских литератур) наглядно показал плодотворность и живучесть историко-революционной эпо-

⁸ Э. Нирк, Юхан Смуул. В кн.: Об эстонской литературе. Таллин, 1956, стр. 662.

⁹ Подробнее об эстонской советской литературе на всесоюзной арене в 1954—1969 гг. см.: Н. Бассель, Литературные связи Советской Эстонии. Таллин, 1970, стр. 126—179.

пейной традиции, берущей начало от романов А. Серафимовича, М. Шолохова, А. Толстого. Это дало, в свою очередь, Л. Новиченко серьезные аргументы в его полемике с зарубежными концепциями «умирания» эпопейного романного жанра.¹⁰

Существенным представляется вклад эстонской литературы в развитие советского социально-психологического романа. Думается, сам остродраматический жизненный материал, легший в основу эстонских романов о Великой Отечественной войне (особенно таких, как «Два «я» Энна Кальма» и «В разгаре лета» П. Куусберга) и о проблемах послевоенного развития («Проществие с Андресом Лапетеусом» П. Куусберга, «Одноклассники» В. Гросса), материал, своей проблематикой тесно перекликающийся и с сегодняшним днем, обусловил подчеркнутую драматичность и публицистичность данных произведений. Проблемы же и коллизии, содержащиеся в этих романах, по-своему дополняют общесоюзную картину. Л. Плоткин, ведя речь об изображении Отечественной войны в советской литературе, полагал, будто в ней уже не может быть места для трагедии социальных заблуждений, связанной с мировоззренческим выбором¹¹, однако это высказывание, справедливое в отношении русской советской литературы, не учитывает опыта литератур Советской Прибалтики, своеобразие и ценность вклада которых и определяется во многом художественным анализом такого рода коллизий на материале минувшей войны и послевоенных лет (мировоззренческие и нравственные коллизии Энна Кальма, Аннели Халин, инженера Элиаса, Марта Туйска, Вамбо Пальтсера и других в произведениях эстонских писателей). Очевидно в то же время, что богатство и многообразие этого жизненного материала не укладывается в рамки какой-либо одной разновидности романного жанра. Вкладом эстонской литературы в обогащение жанров и стилей современного советского романа следует считать и «импрессионистические» по структуре романы Л. Промет и Э. Бежман, и «краткие романы» Э. Ветемаа и, в целом, то сочетание художественной разработки острых социально-нравственных проблем человека и общества в недавнем прошлом и настоящем с умелым использованием новаторских структурных элементов современного романа, которое отличает лучшие произведения и других эстонских советских романистов.

Общепризнан вклад «Ледовой книги» Ю. Смуула в развитие советской «лирической прозы» и жанра путевого дневника, его же «Японского моря» — в развитие советской научно-художественной прозы, обеих же этих книг — в развитие современной советской очерковой литературы. «Блудный сын» Э. Раннета был справедливо оценен как вклад в развитие жанра современной социально-психологической трагедии¹², «Вдова полковника» и «Кихну Йыннь» Ю. Смуула — как вклад в развитие комедийных жанров современной советской драматургии. Наверное, справедливо будет поставить вопрос и о роли пьесы Р. Парве «Темнота означает ночь» в развитии жанра документальной драмы в советской литературе наших дней. В картину многообразия стилей и форм современной советской поэзии органически вписываются и морская лирика Ю. Смуула, и пейзажная и гражданственно-философская поэзия Д. Вааранди, и гуманистическая лирика И. Семпера, и сатирико-публицистические стихи У. Лахта. В исканиях молодой советской поэзии последнего десятилетия занимают свое место и П.-Э. Руммо, и М. Траат, и другие молодые эстонские поэты. Правда, применительно к новейшей эстонской поэзии приходится скорее говорить о «потенциальном вкладе», ибо (во многом из-за трудностей перевода) во всеоюзном масштабе она еще слишком мало прозвучала.

В этой (да и не только этой) связи встает вопрос об интернациональном звучании, резонансе эстонской литературы во всеоюзном и международном масштабе. Споры нет — об этом наглядно свидетельствует и материал, приведенный в настоящей статье, — эстонская литература в лице своих лучших достижений стала в условиях социализма фактором, обогащающим многонациональный литературный процесс в на-

¹⁰ Л. Новиченко, Первооткрыватели. «Литературная газета», 13 авг. 1963.

¹¹ Л. Плоткин, Подвиг народа. «Звезда», 1964, № 2, стр. 196.

¹² В. Панкеев, Дорога идет вверх. (Заметки о драматургии братских народов). «Звезда», 1958, № 12, стр. 155.

шей стране. Реализовала ли она этим уже в полной мере имеющиеся у нее интернационалистические потенции? Думается, пока еще нет. Дело тут, конечно, и в проблемах художественно полноценного перевода (особенно поэзии), и в оперативности взаимобмена литературной информацией, и в оперативности литературной критики, которая в первую очередь должна вводить произведения национальных литератур во всеобщий «оборот», но, очевидно, не только в этом. Нельзя не согласиться с Ю. А. Кожевниковым, что «интернационалистическая потенция» литературы — это далеко еще не явление мировой литературы, вообще не факт интернационального порядка. [...] Контакт необходим, чтобы знать, что подобное явление существует, а вот когда оно будет воспринято как необходимое и для себя, на это может ответить только общественная потребность.»¹³

Даже если принять необходимую в данном случае поправку на характер общения литератур в многонациональном советском содружестве, факт остается фактом: наиболее громко способны прозвучать в многоголосом хоре советской литературы лишь те произведения, которые в наибольшей мере отвечают общественно-эстетическим потребностям развития всего советского народа. Подтверждает это, в частности, и опыт заслужившей наибольшее (из произведений эстонской литературы) всеобщее признание «Ледовой книги» Ю. Смуула, и опыт эстонского советского романа. С другой стороны, необходимо учесть — такое признание могут завоевать лишь подлинные художественные открытия, в которых национальное своеобразие органически синтезируется с интернациональной общезначимостью тем, проблем, жанровых и стилистических исканий.

Применительно к эстонской литературе — в связи с проблемой, поднятой в настоящей статье, — предметом специального рассмотрения остаются: новаторские поиски эстонских писателей в области форм, стилей и жанров в контексте исканий всей многонациональной советской литературы; чем эстонская тема обогащает литературу братских советских республик, в первую очередь — русскую; роль эстонской литературы в обогащении многонациональной советской культуры через посредство смежных видов искусства. Сказанное в настоящей статье, может, на наш взгляд, послужить отправной точкой и для теоретических размышлений более широкого порядка — об участии эстонской литературы в коллективном деле всех социалистических литератур — развитии метода социалистического реализма, об участии ее в современной идеологической борьбе в области литературы и эстетики в международном масштабе.

*Институт языка и литературы
Академии наук Эстонской ССР*

Поступила в редакцию
24/V 1972

¹³ Ю. А. Кожевников, Взаимоотношения национального и интернационального в литературе. В кн.: Национальное и интернациональное в литературе, фольклоре и языке. Кишинев, 1971, стр. 91.

N. BASSEL

EESTI KIRJANDUSE OSAST ÜLELIIDULISES KIRJANDUSPROTSESSIS

Resüme

Nõukogude kirjandusteaduse kaasaegne arenemisetapp tingib vajaduse uurida mitte ainult nõukogude rahvuskirjanduste vastastikuseid seoseid ja toimeid, vaid ka nende o s a paljurahvuselises kirjandusprotsessis meie maal. Käesolevas artiklis vaadeldakse hinnanguid ja määratlusi, mis puudutavad eesti kirjanduse osa üleliidulises protsessis 1950-ndail ja 1960-ndail aastail. Vaatlussfääri püütakse laiendada varasemate arenemisetappide arvel, et kindlaks määrata diferentseeritumalt eesti kirjanduse panust üleliidulises kirjandusprotsessi. Üksikasjalikumalt peatutakse sõjaaegse ja -järgse eesti nõukogude kirjanduse tunnetate teoste osal selleaegses üleliidulises kirjanduselusel. Eesti kirjandusloomingust kaasaegsel etapil vaadeldakse eriti revolutsiooniajaloolise romaan-epopöa, aga ka publitsistliku, Suure Isamaasõja teemalise ja kaasajaainelise romaani osa 1950.—1960-ndate aastate üle-

liidulises kirjanduslikus arengus. Märgitakse ära eesti kirjanduse osa paljurahvuselise nõukogude kirjanduse žanride ja stiilide mitmekesisuse arendamises praegusel etapil, kaasa arvatud draama ja luule. Lõpus peatutakse mõningail teoreetilistel aspektidel, mis on seotud rahvuskirjanduse mõjulepääsu probleemiga üleliidulises ja rahvusvahelises mastaabis ning kavandatakse edasisi uurimisülesandeid selles valdkonnas.

*Eesti NSV Teaduste Akadeemia
Keele ja Kirjanduse Instituut*

Toimetusse saabunud
24. V 1972

N. BASSEL

ÜBER DEN ANTEIL DER ESTNISCHEN LITERATUR AM ALLGEMEINSOWJETISCHEN LITERATURPROZESS

Zusammenfassung

Die gegenwärtige Entwicklungsetappe der sowjetischen Literaturwissenschaft bedingt die Notwendigkeit, nicht nur die gegenseitigen Zusammenhänge und Wirkungen der nationalen Sowjetliteraturen, sondern auch ihren Anteil am multinationalen Literaturprozeß in unserem Lande zu forschen. Vorliegender Aufsatz betrachtet gerade die bisherigen Definitionen und Standpunkte über den Anteil der estnischen Literatur am allsowjetischen Prozeß 1950—1970; zugleich ist man bestrebt, die Beobachtungssphäre durch frühere Entwicklungsetappen zu erweitern und den Beitrag der estnischen Literatur zum gegenwärtigen Literaturprozeß differenzierter zu bestimmen. Ausführlicher untersucht man den Anteil der bekanntesten Werke der früheren estnischen Sowjetliteratur (besonders aus der Kriegs- und Nachkriegszeit) am ehemaligen allsowjetischen literarischen Leben. Aus der modernen estnischen Literatur wird besonders der Anteil des revolutionär-historischen epischen Romans, des publizistischen Kriegsromans und des Gegenwartsromans an der allsowjetischen Entwicklung der Literatur betrachtet. Es wird auch die Rolle der estnischen Literatur in der Entwicklung der verschiedenen Genres und Stile (Drama und Poesie einbegriffen) in der gegenwärtigen Entwicklungsetappe der multinationalen Sowjetliteratur hervorgehoben. Zuletzt wird bei einigen theoretischen Aspekten verweilt, die mit dem Problem des Zurgeltungskommens der Nationalliteratur im allsowjetischen und internationalen Maßstab verbunden sind. Es werden auch weitere Forschungsaufgaben auf diesem Gebiet in Aussicht genommen.

*Institut für Sprache und Literatur
der Akademie der Wissenschaften
der Estnischen SSR*

Eingegangen
am 24. Mai 1972